

Известия Южного федерального университета.
Филологические науки. 2021. Том 25, № 1
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 82.09

ББК 83.3(2 Рос = Рус)

DOI 10.18522/1995-0640-2021-1-124-134

**АВТОБИОГРАФИЗМ И САМОРЕФЛЕКСИЯ
В «АРХИПЕЛАГЕ ГУЛАГ»
АЛЕКСАНДРА СОЛЖЕНИЦЫНА**

Н. М. Щедрина

Московский государственный областной университет, Москва, Россия

Аннотация. «Архипелаг ГУЛАГ» основан на историческом и автобиографическом материале. Автобиографизм – ключевая особенность произведений Александра Солженицына. Эта стилевая черта проявляется в сюжете, композиции, выражается в способах саморефлексии, приемах самоидентификации, в функциях и роли автора-повествователя. На примере собственного опыта писатель рисует духовное перерождение человека в лагере, раскрывает моменты раскаяния, духовного стоицизма. Каторга возвысила его и стала той точкой, от которой можно отсчитывать важнейшие годы своей жизни.

Ключевые слова: «Архипелаг ГУЛАГ», Солженицын, автоинтерпретация, автобиографизм, саморефлексия, раскаяние, опыт, стоицизм, автор-повествователь, каторга.

Введение

Автобиографизм предполагает преломление в художественном творчестве биографического материала. Принципиально важной является ретроспективная составляющая, а также идентичность автора и повествователя, идентичность автора и героя. Раскрывается эта связь через авторскую рефлексию, становящуюся основой повествования.

В центре создания такого типа художественных произведений всегда находится писательский жизненный опыт, который в процессе творчества поддается рефлексии на пути самовыражения. Самый прямой путь реализации саморефлексии лежит либо через героя, либо через автора-повествователя. Повествователь ближе других к писателю, хотя и он не совпадает с ним полностью. Если исходить из того, что авторское присутствие выражается в субъектных и внесубъектных формах [Корман, 1977, с. 23], то субъектные формы, в свою очередь, разграничиваются в прозаическом тексте между первичными и вторичными субъектами речи. Субъект сознания тем ближе к автору, чем в большей степени он растворён в тексте (повествователь или личный повествователь). Автор-повествователь, а зачастую и персонифицированный автор, своей активностью влияют и во многом определяют структуру изложения.

Такое явление мы наблюдаем в «Архипелаге ГУЛАГ» Александра Солженицына.

Об этом произведении существует большая литература, в которой авторское повествование анализируется на самых разных уровнях, есть и недавние статьи [Большева, 2018; Гапоненкова, 2014; Ликвинцева, 2019]. К сожалению, специальных работ, в которых рассматривалась бы проблема настоящего исследования, нет. Это и объясняет актуальность данного изыскания, материалом для которого служит «опыт художественного исследования» А.Солженицына.

Научной основой для анализа произведений с автобиографическим началом могут служить подходы, предлагаемые в работах М. Бахтина, Л. Гинзбург, а также в исследованиях о творчестве Л. Толстого, И. Шмелева, Б. Зайцева и др.

В работе использованы такие литературоведческие методы, как биографический, культурно-исторический и герменевтический.

Цель данной статьи состоит в анализе «Архипелага ГУЛАГ» Солженицына с точки зрения автобиографизма и саморефлексии.

Исследование и его результаты

Произведения Солженицына буквально пронизаны автобиографизмом, но у него он особый, это не просто использование фактов биографии автора в тексте, это стремление донести свои мысли в результате пережитого опыта. Пережитый опыт в автобиографическом повествовании, по словам М. Бахтина, отражен в «специфически построенном образе человека, проходящего свой жизненный путь» [Бахтин, 1975, с. 281].

Автобиографизм – ключевая стилевая доминанта солженицынских книг, присутствующая во всех жанрах, используемых писателем: в рассказах – «Матренин двор» и «Один день Ивана Денисовича», в романах и повестях – «В круге первом» и «Раковом корпусе». И в «Архипелаге ГУЛАГ» ключевой фигурой является сам автор, исходной становится его точка зрения, его работа памяти. Именно поэтому огромный результат действия книги связывают с «титаническими “фактами, опытом, мощью”» [Анненский, 1991, с. 10].

Когда Солженицын начинал писать «Архипелаг» в 1958 г. еще не было книг о лагере. Только позднее узнал о В.Т. Шаламове и других авторах. Все, что вынес Солженицын в тюрьме *«шкурой своей, памятью, ухом и глазом»* а кроме него – свидетельства 227 человек, которые доверили ему свои воспоминания, и легло в основу книги [Солженицын, 1991, т. 5, с. 9 (далее цитаты даны по этому изданию с указанием в круглых скобках тома и страниц)].

Острова Архипелага – это и его собственный опыт, просвечивающий через все произведение: солдатская молодость, служба офицера, арест, изоляция, камера № 69 на Лубянке. Из признаний, откровенности можно восстановить трагический период жизни Александра Солженицына. Писатель рассказывает о пережитом им самим, но это только часть биографии, а другая часть – биография народа и страны. Начина-

ется повествование «о себе» с перелома, наступившего в судьбе любого арестованного, автор сравнивает его с *«прямым ударом молнии»*, раскалывающей мироздание, когда настоящее сдвигается в прошлое.

Солженицын откровенно признается, что лагеря были изнанкой той жизни, которую принесла провозглашенная идея социализма о гуманном отношении к человеку, о равенстве и братстве. Про Колыму слышали, но смутно, *«иные совсем не догадывались»*, *«только побывавшие знали все»* (т. 5, с. 6). *«По долгой кривой улице мы счастливо неслись или несчастливо брели мимо каких-то заборов, заборов, заборов – ... ни глазом, ни разумением... не пытались за них заглянуть, – а там-то и начинается страна ГУЛАГ, совсем рядом, в двух метрах от нас»* (т. 5, с. 13). Говоря о своем «телячьем» возрасте в 1937 – 1938 гг., запомнившимися экзаменами, библиотекой, спортивными походами, Солженицын признается, что доходили слухи об арестованных профессорах и студентах, но он не мог тогда связать «московские процессы» с событиями в стране.

При написании книги нужны были определенные усилия писателя по созданию и воссозданию собственного образа и собственной биографии. Как оказалось, тип повествования, избранный Солженицыным для «Архипелага», открыл неисчерпаемые возможности художественно-документальной прозы как жанра, таящего в себе способ соотнесения автобиографического и фактографического материала. При этом автор являлся свидетелем происходящего и передал подробности и дух своего времени. В подобном случае жизнь писателя становится протосюжетом [Соболевская, 2001, с. 451], а его личность сливается с автором-повествователем, через которого просматривается связь художественного и документального начал.

Автобиографизм сказался в сюжете и в композиции. События книги выстраиваются в непосредственной связи с этапами отбывания срока заключения самим автором: от ареста в конце войны – до освобождения. Так, например, в первой части обозначены главы – от «Ареста», где повествуется о судьбе Солженицына-офицера, к – растянувшемуся «Следствию». Затем в «Голубых кантах» речь идет о конце войны, заставшей его в тюрьме, – до «Тюрзака», который прошел и сам писатель.

Обладая эпическим сознанием, автор расширяет рамки настоящего времени за счет раскрытия судеб в настоящем и экскурсов в прошлое русской каторги. Сюжет обрастает дополнительными ответвлениями от главной линии, но географически связанной с пребыванием самого Солженицына в местах, которые ему были известны, или те, что изучал по документам и воспоминаниям очевидцев. События книги выстроены таким образом, что читателю самому предстоит оценивать происходящее.

Относя себя к потоку русских пленников (хотя в плену не бывал), весну 1945 г. он называл *«расплатной весной [своего] поколения»*. Автор ощутил, *«что эта история нескольких миллионов русских пленных пришивает [его] навсегда, как булавка таракана»* (т. 5, с. 170). И Солженицын почувствовал свой долг и посчитал своей собственной обязанностью *«подставить плечо к уголку их общей тяжести – и нести до последних, пока не задавит»* (Там же). Страдания военнопленных, трижды пре-

данных родиной, он воспринимал как свои. Вначале бездарно бросили их на поле сражений, потом рассчитывали, что *«подохнут в плену»*, и в третий раз бессовестно родина их *«заманила материнской любовью... на-кинув удавку уже на границе»* (т. 5, с. 171), арестовав. Личной трагедией для писателя стала жестокая и страшная судьба военнопленных. Солженицын возмущенно восклицает: *«Какая же многомиллионная подлость: предать своих воинов и объявить их же предателями?!»* (т. 5, с. 171).

Много места в «Архипелаге» отведено мучениям подсудимых. *«Никто бы раньше не подумал»*, – начинает главу о них писатель, что *«в расцвете великого двадцатого века в обществе, задуманном по социалистическому принципу, в годы, когда уже летали самолеты, появилось звуковое кино и радио – было совершено не одним злодеем, не в одном потаенном месте, но десятками тысяч специально обученных людей-зверей над беззащитными миллионами жертв»* (т. 5, с. 75).

А сколько в главах «Псовая служба», «Голубые канты» автор именно называет начальников лагерей, тюремщиков, не знавших границ своей власти и изобретательной жестокости: *«Одинокому перу за ними за всеми не угнаться»*. Он останавливается на красноречивых говорящих фамилиях следователей, которых знал: *«как будто по фамилиям их на работу берут! Например, в кемеровском ОблГБ в начале 50-х годов: прокурор Трутнев, начальник следственного отдела майор Шкуркин, его заместитель подполковник Баландин, у них следователь Скорохватов. Ведь не придумашь! Это сразу все вместе! (О Волкопялове и Грабищенке уж я не повторяю). Совсем ли ничего не отражается в людских фамилиях и таком сгущении их?»* (т. 5, с. 115). Не минует при этом Солженицын и своих следователей – Езепова и подполковника Котова.

На страницах «Архипелага» писатель выступает с открытой авторской позицией, органично слитой с автобиографизмом, дающим импульс учительству через откровенность и искренность, зачастую выраженной от первого лица: *«Надо вступить в тюрьму, не трепеща за свою оставленную теплую жизнь. Надо на пороге сказать себе: жизнь окончена... На свободу я не вернусь никогда. Я обречен на гибель... лучше раньше <...> Близкие умерли для меня – и я для них умер. Тело моё с сегодняшнего дня для меня – бесполезное, чужое тело. Только дух мой и моя совесть остаются мне дороги и важны.*

И перед таким арестантом – дрогнет следствие!.....

Но как обратить свое тело в камень?» (т. 5, с. 98 – 99).

Когда следователь уже «строчил» обвинительное заключение и только ожидал смиренной подписи от арестованного: *«Я распахнул крышку толстой папки... и прочел потрясающую вещь, что в ходе следствия я, оказывается, имел право приносить письменные жалобы на неправильное ведение следствия и следователь обязан был эти жалобы подшивать в дело! В ходе следствия! Но не по окончании его...*

Увы, о праве таком не знал ни один из тысяч арестантов, с которыми я позже сидел.

Я перелистывал дальше. Я видел фотокопии своих писем и совершенно извращенное истолкование их смысла неизвестными комментаторами... видел гиперболизированную ложь...» (т. 5, с. 107). И когда автор «ГУЛАГа» ознакомился со своими документами и заявил, что не согласен с подписанием приговора, последовала угроза: *«закатают... в такое место, где полицаев»* содержат. *«И я подписал, вместе с 11-м пунктом, – продолжает Солженицын. – Я не знал тогда его веса... попал в каторжный лагерь. Из-за этого пункта я после “освобождения” безо всякого приговора сослан навечно.*

И может – лучше. Без того и другого не написать бы мне этой книги (т. 5, с. 107), – заявляет автор.

И чтобы подчеркнуть, что в ситуации незнания того, что может тебе грозить приписанная статья без всякого на то выбора, он подает голос за всех заключенных и переходит с «Я» на «Мы»: *«Мы утратили меру свободы. Нам нечем определить, где она начинается и где кончается...*

Мы уже не уверены: имеем ли мы право рассказывать о событиях своей собственной жизни?» (т. 5, с. 108).

В главе «Арест» писатель идет на доверительный и эмоциональный разговор с читателем. Для этого динамизирует текст, меняет тип повествования, – от истории пыток при Алексее Михайловиче, Петре Первом, при Бироне и Екатерине Великой, выполненных в публицистическом стиле, – до собственных психологических переживаний по поводу изъятия у него при аресте очень дорогих для пишущего арестанта трофейных фаберовских карандашей. На юбилейных выставках Солженицына в Литературном музее и Доме русского зарубежья в Москве среди книг и архивных документов, его личных вещей можно было увидеть и тонко отточенные коротенькие карандаши, уложенные в маленький пенал. Ими любил работать Солженицын, не расставаясь по жизни.

Через всю книгу «Архипелаг ГУЛАГ» проходит мотив растления – от первой главы «Арест», когда в человеке начинает ломаться представление о добре и справедливости, до последней главы, – «Закон сегодня», которую вернее было назвать «Закона нет» (т. 7, с. 370). Но для автора важно подчеркнуть, что лагерный опыт свидетельствовал об обратном: невозможно растлить тех, у *«кого есть устоявшееся ядро»*, направленное против *«жалкой идеологии»* – *«человек создан для счастья»*. Только дух и совесть остаются ему дороги и важны. К таким несломленным героям Солженицын относит Бердяева, изложившего Дзержинскому и Каменеву те религиозные и нравственные принципы, по которым он не принимает установившейся власти, полковника эмигранта Ясевича, приговоренного к расстрелу, блистательного ученого Тимофеева-Ресовского, создавшего в камере научно-техническое общество, Петра Пальчинского – выдающегося горного инженера, профессора и талантливого организатора промышленности, и многих других. *«Надо совсем не любить свою страну, надо быть её чужаком, чтобы расстреливать гордость нации – её сгущенные знания, энергию и талант»* (т. 6, с. 199), – восклицает автор.

Воссоздавая фигуры исторических деятелей и простых людей, Солженицын убеждал читателя в неисчерпаемости человеческих сил. Стоические мысли о торжестве духа над телом, совести и гуманности над трагическим существованием становятся венцом развития личности. Но ему также важно донести до читателя «ГУЛАГа» и свой собственный трагический опыт.

В книге порой не существует грани между автором-повествователем и персонифицированным автором, что можно наблюдать в использовании приемов моноцентричности и монологизации. Вот, например, рассуждения в форме монолога в главе «Голубые канты» о «ядрышке души», когда на большом литературном и политическом, философском и естественно-научном материале Солженицын рассуждает о том, какова природа человека, что такое **«пороговые величины»**, должен ли человек искать **«оправдания своим действиям»**. Монолог заканчивается выводом: *«И, видимо, злодейство есть тоже величина пороговая. Да, колеблется, мечется человек всю жизнь между добром и злом... срывается. Карабкается, раскаивается, снова затемняется, но пока не переступлен порог злодейства – в его возможностях возврат, и он сам – еще в объеме нашей надежды. Когда же... он вдруг переходит через порог – он ушел из человечества. И может быть – без возврата»* (т. 5, с. 128). Перед нами пример моноцентричности автора-повествователя, тяготеющего к выражению своего мнения и к обобщению с позиции автобиографического опыта.

Солженицын ответствен за ту высоту, с которой ему должно судьбой вещать. Об этом автор-повествователь не раз высказывается в публицистических и философских монологах, где он тверд и решителен, зачастую стремится обосновать свою точку зрения хотя бы житейским опытом. Рассказывая о своем переезде на «райский остров» (шарашку) под спецконвоем, автор не может обнаружить себя среди вольных, ничтожные разговоры которых слушал, уже пройдя круг страданий, оценив «меру всех слабостей и страстей». Он разворачивает перед читателем все «загадки» жизни, её главный смысл: *«Не гонитесь за призрачным – за имуществом, за званием: это наживается нервами десятилетий, а конфискуется в одну ночь. Живите с ровным превосходством над жизнью – не пугайтесь беды и не томитесь по счастью, все равно ведь и горького не доведет, и сладкого не дополнит... Протрите глаза, омойте сердца – и выше всего оцените тех, кто любит вас и кто к вам расположен...»* (т. 5, с. 410). В этом авторском обращении, как и в статье «Раскаяние и самоограничение как категории национальной жизни», которая вышла в самиздате в 1970 г., да и в массе других работ, считает, что *«лишь с раскаяния может начаться... духовный рост»*, что *«без раскаяния... мы вряд ли сможем уцелеть»* (т. 1, с. 52]. Солженицыну необходимо напомнить людям, которые *«имеют право распоряжаться своей судьбой»*, вечные христианские ценности, погребенные в их памяти, а иногда и вовсе неведомые.

Через призму лагерного восприятия автобиографического героя читатель знакомится в «Архипелаге» с большим литературным материалом. Третья глава «Следствие» начинается с апелляции к чеховским персонажам, которые сошли бы с ума, если б узнали, что предстоит на-

роду в будущем. Жестокость нравов обнаружилась уже в дискуссии о целесообразности применения пыток с точки зрения марксизма.

Ссылаясь на «Остров Сахалин» А.П.Чехова, в котором нормальным состоянием арестанта как «императив вольной души» считалось его желание бежать, Солженицын для сравнения смирение туземцев Архипелага объясняет их боязнью восстать за свою свободу против государства. Поэтому и побег из лагерей писатель оценивает как «предначертания», повороты судьбы, когда трудно разглядеть «смысл отдельной человеческой жизни».

Есть в «Архипелаге» авторские суждения о той литературе, которую Солженицыну удалось прочитать, находясь под стражей, и о возможности пользоваться книгами на Большой Лубянке. От него читатель узнает, что попадали туда издания из конфискованных представителями госбезопасности библиотек, поэтому там можно было найти произведения Б. Пильняка, Е. Замятина, П. Романова, «*полного Мережковского*» (т. 5, с. 154), собрание которого интересно было прочесть будущему автору «Красного Колеса». Мережковский – писатель серебряного века появится как персонаж в эпосе Солженицына. В его квартиру будет приходить будущий глава Временного правительства Керенский.

В «Архипелаге» впервые в творчестве писателя проступает образ «огромного давящего колеса по стране» (т. 7, с. 14), который в дальнейшем перерастет в главный символ романа «Красное Колесо». История лейтенанта Овсянникова, свидетеля ареста Солженицына, о котором автор скажет в «ГУЛАГе»: «*Что-то перевертелось в его сознании*» (т. 5, с. 125), отразится в рассказ 1990-х гг. «Молодняк». Страх увиденного заставит лейтенанта после войны согласиться работать в органах.

Начало пути Солженицына в литературу тоже нашло отражение в книге. Именно в лагере он почувствовал своё желание запечатлеть увиденное, что и делало его внутренне свободным и помогло выстоять. Об этом он рассказывает в главе «Поэзия под плитой, правда под камнем», когда под крики автоматчиков, его как будто «*несло над колонной по воздуху*» туда, где он мог «*в уголке записать*» «*напор*» на него «*строк и образов*». Спасая на шмоне создаваемую в это время поэму «Дороженька», помогающую ему «*не заметить, что делали*» с его телом, он «*был свободен и счастлив*» (т. 7, с. 72). Поскольку на волю поэму не переслать, в лагере не спрятать, оставалось только хранить её в памяти: «*Память – это единственная **заначка**, где можно держать написанное, где можно проносить его сквозь обыски и этапы*» (т. 7, с. 72 – 73), – скажет А. И. Солженицын.

Раскрытию автобиографизма способствует авторская саморефлексия, которая помогает развивать самоотражение, влияет на поиски глубинных ассоциаций. В произведении это касается таких примеров, когда автор не только откровенничает с читателем, не только сознательно и открыто раскрывает поступки, но и анализирует свои мысли. Например, арестованный капитан Солженицын, имея склонность повелевать, заставляет пленного немца нести свой чемодан, действуя как все: «*Я приписывал себе бескорыстную самоотверженность. А между тем*

был – вполне подготовленный палач» (т. 5, с. 124). В этом случае, да и в других, авторская саморефлексия подталкивает, а иногда и провоцирует героя к раскаянию. Писатель вспоминает, как *«при освоении бобруйского котла»* на шоссе услышал крик о помощи окровавленного человека, погоняемого кнутом сержанта-особиста: *«Всякий имеющий власть офицер любой армии на земле должен был остановить безрассудное истязание. Любой – да, а – нашей? При лютости и абсолютности нашего разделения человечества?<...>»* Со стыдом и болью признает Солженицын, что *«струсил защищать власовца перед особистом, я ничего не сказал и не сделал, я прошел мимо, как бы не слыша»* (т. 5, с. 183).

Автор считает, что *«не имел оснований»* гордиться тем, как проходили допросы. *«Затмение ума и упадок духа»* сопутствовали ему в первые недели. О том, что *«надо стать каменным»* перед следователями, было ему еще не известно. Но *«избежал я кого-нибудь посадить, а близко было»*, – пишет Солженицын (т. 5, с. 101). Перед нами автор, который на виду у читателя обнажает свои слабости и промахи. Но это не простое раскаяние, а пример раскаяния публичного, с которым литература того времени не встречалась.

Исповедуясь перед читателем, Солженицын вспоминает свою подлость, когда пахана блатерей просил согнать с нижних нар таких же военнопленных, как и он сам. Краснея за эти факты, он осуждает себя: *«Серые арестанты на нижних нарах – это же братья мои 58-1-б это пленники. Давно ли я клялся, что на себя принимаю их судьбу? И вот уже сталкиваю под нары? Все же они мне зла не сделали, а я им сделал»*.

Вот так удараемся боками и хрюкалками, чтобы хоть с годами стать людьми... Чтобы стать людьми...» (т. 5, с. 384).

О долгом пути своего духовного созревания писатель говорит жестко. Еще в лагере особого назначения пытался стать «придурком», чтобы освободиться от общих работ, неудачно руководил бригадой блатных, жил к комнате «уродов», из которой его потом изгнали. Размышления над собственными промахами и ошибками становятся, по его словам, *«толчком к всепониманию»*. В главе «Восхождение» рассуждает еще более сурово: *«В упоении молодыми успехами я ощущал себя непогрешимым и оттого был жесток. В переизбытке власти я был убийца и насильник. В самые злые моменты я был уверен, что делаю хорошо, оснащен был стройными доводами. На гниющей тюремной сололке ощутил я в себе первое шевеление добра»* (т. 6, с. 384).

Позднее перед изгнанием из страны в заявлении от 2 февраля 1974 г. в связи с клеветнической кампанией против Солженицына, он писал, что гонители его не понимают, что в «Архипелаге» *«о себе самом он рассказал сокровенное, много худшее, чем все плохое, что могут сочинить»* о нем. Писатель назвал свою книгу *«зовом к раскаянию»* [Солженицын, 1991, с. 123], и не столько к собственному, сколько к государственному.

Самоанализ, как и психологические рефлексии, происходящие в себе самом, помогли автору понять процессы, совершаемые в душах других людей. Он сталкивает первый взгляд на Архипелаг, пришиблен-

ный знакомством с тюремным миром и «неприглядной действительностью» срока, с оценками зрелого человека, разгибавшегося исподволь.

Выявлению саморефлексии служит ирония. Об этом качестве автора рассуждал Виктор Астафьев: «*„Архипелаг“ чем велик? Он весь почти на тысяче страниц пронизан самоиронией, которая всегда была свойственна русской литературе... Автор прежде всего самоироничен по отношению к себе. Александр Исаевич себя просто не щадит*» [Астафьев, 1989, с. 4].

Такой тип иронии, способствующий в то же время познанию самого себя, свидетельствует о высокой мыслительной культуре Солженицына, стремлении уравновесить в себе дурное и хорошее. В работе «Наши плюралисты» (1983) он заявит, что настоящее творчество начинается «*не с безопасного... сатирического разоблачения других, а с поиском своей собственной вины и раскаяния*» [Солженицын, 1992, с. 222]. Автор «Архипелага» относил эти качества ко всей русской литературе и всему народу, которые всегда высмеивали себя беспощадно, болея Россией и любя её. Удивительно емкая и ироничная образность «Архипелага» существует не только для того, чтобы выразить свое авторское отношение к действительности, но и чтобы раскрыть по контрасту с ней трагическую реальность.

Заключение

Благодаря процессам саморефлексии и автобиографическому материалу читатель видит, как на протяжении всего повествования происходит формирование целостной личности автора. Торжество совести и человечности свидетельствует о развитии души, закалявшейся в страданиях. Солженицын верен себе и своему жизненному назначению, которое и дает ему возможность сопротивляться насилию и участвовать в мятеже заключенных. Этот выбор связан с жизненной установкой.

«*Благословение тебе, тюрьма, что ты была в моей жизни!*» (т. 6, с. 385) – один из самых ярких автобиографических посылов в книге, к нему автор пришел через осознание смысла всего происходящего путем выработки стоической нравственности. На примере своей судьбы Солженицын рисует духовное перерождение человека, которого лагерь вначале унизил, сознательно опустив на самую низкую ступень, а затем возвысил и стал высшей точкой, от которой можно вести отсчет важнейших лет своего пути, «*придавших окончательные черты характеру. Теперь как бы уже не изменялась вверх и вниз моя жизнь, я верен взглядам и привычкам, выработанным там*» (т. 7, с. 72), – итожит Солженицын.

Таким образом, нравственные установки писателя, выросшие из автобиографического и исторического опыта, сделали «Архипелаг» одним из ярких произведений мировой литературы, правдивым, резким, хлестким откликом на происходящее.

Разговор об автобиографизме и саморефлексии можно продолжить, обратившись к анализу не только автоинтерпретации событий, но и к их оценке во времени, к документальности – отбору фактов как выражению авторского «я», к типу автобиографического времени, но это перспективы уже другой статьи.

Литература

- Аннинский Л. (1991) Год Солженицына // Литературная газета. 27 февраля, с.10.
- Астафьев В. (1989) Солженицын. Дорога домой // Комсомольская правда. 25 октября.
- Бахтин М. М. (1975) Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература. 502 с.
- Большев А. О. (2018) Авторитарное слово в произведениях А.Солженицына // Вестн. Томского гос. ун-та. № 428. С. 12 – 16.
- Гапоненков А. А. (2014) А. И. Солженицын и проблема русской духовной культуры // Изв. Саратовского ун-та. Нов. серия. Филология. Журналистика. Т. 14, вып. 2. С. 31 – 35.
- Корман Б. О. (1977) Практикум по изучению художественного произведения: учеб. пособие. Ижевск. 68 с.
- Ликвинцева Н. В. (2019) Работа памяти в «Архипелаге ГУЛАГ» А. И. Солженицына // Изв. Уральского федерального ун-та. Серия 2. Гуманитарные науки. № 1(184). С. 33 – 44.
- Соболевская О. В. (2001) Лирическая проза // Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А. Н. Николюкина; Ин-т науч. информации по общественным наукам РАН. М.: АПК «Инвалк». С. 451.
- Солженицын А. И. (1991) Архипелаг ГУЛАГ. Малое собр. соч.: в 7 т. Т. 5 – 7. М.: ИНКОМ НВ.
- Солженицын А. И. (1991) Бодался теленок с дубом // Новый мир. № 8. С. 123.
- Солженицын А. И. (1992) Наши плюралисты // Новый мир. № 4. С. 222.
- Солженицын А. И. (1995) Раскаяние и самоограничение как категории национальной жизни // Солженицын А. И. Публицистика: в 3 т. Ярославль: Верхне-Волжское кн. изд-во. Т. 1. С. 52.

References

- Anninsky L. (1991) Year of Solzhenitsyn. *Literary newspaper*. February 27, p.10 (In Russian).
- Astafiev V. (1989) Solzhenitsyn. The way home. *Komsomolskaya Pravda*, the 25th of October (In Russian).
- Bakhtin M.M. (1975) *Questions of literature and aesthetics*. Moscow, Fiction. P. 281 (In Russian).
- Bolshev A.O. (2018) Authoritarian word in the works of A. Solzhenitsyn. *Bulletin of the Tomsk State University*, no. 428, pp. 12-16 (In Russian).
- Gaponenkov A.A. (2014) A.I. Solzhenitsyn and the problem of Russian spiritual culture. *Izv. Saratov University. New ser. Philology. Journalism*, vol. 14, no. 2, pp. 31-35 (In Russian).
- Korman B.O. (1977) *Workshop on the study of a work of art. Study guide*. Izhevsk. P. 23 (In Russian).
- Likvintseva N.V. (2019) Work in memory in «The GULAG Archipelago» A.I.Solzhenitsyn. *News of the Ural Federal University. Series 2. Humanities*, no. 1 (184), pp. 33-44 (In Russian).
- Sobolevskaya O.V. (2001) Lyric prose. *Literary encyclopedia terms and concepts* / ed. A.N. Nikolyukina. Institute of Scientific information on social sciences RAS. Moscow, APK «Invalk». P. 451 (In Russian).
- Solzhenitsyn A.I. (1991) The GULAG Archipelago. *Small collection cit.: in 7 vols. Vol. 5 – 7*. Moscow, INCOM NV (In Russian).

Solzhenitsyn A.I. (1991) Butting a calf with an oak. *New world*, no. 8, p. 123 (In Russian).

Solzhenitsyn A.I. (1992) Our pluralists. *New world*, no. 4, p. 222 (In Russian).

Solzhenitsyn A. I (1995) Repentance and self-restraint as a category national life. *Solzhenitsyn A.I. Journalism*: In 3 vols. Yaroslavl: Verkhne-Volzh. book publishing house. 1995. Vol. 1. P. 52 (In Russian).

Nellya M. Shchedrina (Moscow, Russian Federation)

Autobiography and Self-Reflection in Alexander Solzhenitsyn's "The GULAG Archipelago"

"The GULAG Archipelago" is based on historical and autobiographical material. Autobiography is a key feature of the works of Alexander Solzhenitsyn. This style trait manifests itself in the plot, composition, is expressed in the ways of self-reflection, methods of self-identification, in the functions and role of the author-narrator. The retrospective component, as well as the identity of the author and the narrator, the identity of the author and the character, are of fundamental importance. The type of narration chosen by Solzhenitsyn for "The Archipelago" opened up inexhaustible possibilities of fictional and documentary prose as a genre that conceals a way of correlating autobiographical and factual material. At the same time, the author was also a witness to what was happening and conveyed the details, the spirit of his time. Solzhenitsyn's autobiography is special: it is not only the use of the facts of the writer's biography, it is the desire to convey their thoughts as a result of the experience through the psychological experiences, thoughts and feelings of the author. The writer draws a spiritual rebirth of a person in the labor camp, reveals moments of repentance, the development of spiritual stoicism. Hard labor elevated Solzhenitsyn and became the highest point from which the most important stages of his life can be counted.

Keywords: "The GULAG Archipelago", Solzhenitsyn, auto-interpretation, autobiography, self-reflection, repentance, experience, stoicism, author-narrator, hard labor.

Сведения об авторе / Information about the author

Щедрина Нэлья Михайловна – докт. филол. наук, профессор кафедры русской литературы XX века Московского государственного областного университета, г. Москва, Россия

Тел.+7.9168727764; e-mail: schedrina@gmail.com

Nellya M. Shchedrina – grand Ph.D. in Philology, Professor in the Department of the Russian literature of the XX century, Moscow Region State University. Moscow, Russia

E-mail: schedrina@gmail.com

---

*Статья поступила в редакцию 28.08.2020, принята к публикации 20.01.2021.
The article was submitted 28.08.2020, accepted for publication 20.01.2021.*